

Правила жизни правозащитника

К 70-летию Михаила Федотова

«Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Это цитата из его любимой книги под названием «Конституция». И для него услышать ее – лучше любых поздравлений.

Кто этот человек? Председатель совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека **Михаил Федотов**. А еще он защитник всех журналистов и большой друг редакции «МК».

Он собирает на своей кухне творческих людей, а в совет – свободных и независимых мыслителей и правозащитников. Зачастую это одни и те же люди! А еще он бард – играет на гитаре и сочиняет песни. А когда выдастся свободный день, он гуляет по барахолкам, чтобы купить какую-нибудь ненужную вещь типа лорнета или старинного ключа.

**С сегодняшним юбиляром,
председателем Совета при Президенте РФ по
развитию гражданского общества и правам
человека Михаилом Федотовым беседует Ева**

Меркачева

– Михаил Александрович, сейчас модно спрашивать у известных людей «правила жизни».

И какие они у вас?

– Первое правило мне подарил Валерий Брумель – легендарный легкоатлет, олимпийский чемпион и 6-кратный мировой рекордсмен по прыжкам в высоту. В его биографии был такой факт: он попал в автокатастрофу и ему грозила ампутация ноги. Он стоически перенес 29 операций и сумел вернуться в большой спорт, преодолев планку на высоте 209 см! Короче, человек-легенда!

И вот мне поручили взять у него интервью (я тогда работал репортером в «Вечерней Москве», а по вечерам учился на юрфаке). Я спросил: «Что бы вы могли посоветовать начинающим спортсменам, которые хотят быть такими же великими, как вы?» Он на меня посмотрел взглядом, в котором чувствовалось понимание моей юности и неопытности (а мне тогда 19 лет было). И сказал: «Молодой человек, запомните – чтобы прыгать, надо прыгать». Я запомнил это правило на всю жизнь. Нельзя лежать на диване и ждать, что все само собой как-то устроится. Надо прыгать! Не обязательно при этом лезть напролом. Я вообще не люблю «силовые приемы» и предпочитаю мягкие, гибкие, многоходовые комбинации, которые дают, может быть, не радикальные, но зато уверенные и устойчивые позитивные изменения. И еще: когда кончается терпение, начинается выносливость. Я своего сына Сашу поучал, когда ему было года три: если у тебя в песочнице другой мальчик отнимает машинку, не надо лезть в драку, надо объяснить ему: «Старина, если придешь домой с чужой машинкой, твой папа может тебя наказать».

Второе правило жизни включает в себя сразу три составляющие. Поступай так, как будто ты живешь в абсолютно демократическом, правовом государстве, будь уверен в том, что не нарушаешь закон, и ничего не бойся. Эти три принципа я пропагандирую, о них рассказываю студентам и вообще всегда, когда публично выступаю.

– Когда-то и вы были студентом. Слышала, что Валерий Зорькин

(нынешний председатель Конституционного суда РФ) поставил вам «неуд»?

– Было такое дело. Валерий Дмитриевич читал у нас на юрфаке МГУ лекции. Посидев на первой лекции, я решил, что смогу без них обойтись. Хотя сам по себе предмет замечательный – история политучений, или, как это называлось до большевиков, история философии права, всегда меня занимала, и в доме было много дореволюционных учебников. Так вот Зорькин сказал: «Кто на мои лекции не ходит, тот экзамен не сдаст». Я похихикал про себя. Как это я не сдам, если я уже освоил учебники и Коркунова, и Шершеневича, и Гессена и столько всего знаю? И я был совершенно спокоен, когда шел на экзамен. Первый вопрос – Платон, второй – Огюст Конт. Тут было на чем развернуться, и я «развернулся». С третьим вопросом не повезло, он касался взглядов Чернышевского, а в тех учебниках, по которым я занимался, – в них были пометки еще моего деда-адвоката – такой философ права, как Чернышевский, увы, не упоминался. Пришлось обходиться школьными познаниями. Зорькин с явным удовольствием выслушал мои ответы, но потом посмотрел в тетрадку, где были переписаны прогульщики, увидел мою фамилию и сказал: «Вам придется прийти еще раз. Я же предупреждал: нужно было ходить на мои лекции». Во второй раз у него не было тетрадки с прогульщиками, и я получил свою заслуженную «пятерку». А спустя много лет Зорькин стал председателем Конституционного суда, и мне довелось встречаться с ним и по «делу КПСС», и по «делу Фронта национального освобождения», и по другим делам.

– Не жалеете, что сами в свое время не стали судьей Конституционного суда

(кандидатуру Федотова на эту должность выдвигали дважды, в первый раз – в октябре 1991 года. – Авт.)?

– Жалею. Когда решался вопрос о моем назначении, Эльдар Рязанов сказал: «Миша, зачем вам эта братская могила?» Я ему в ответ анекдот рассказал про двух скрипачей. Возвращаются они после международного конкурса, где один занял второе место, а

другой – последнее. Первый сокрушается, что не занял первое место и не получил скрипку Страдивари. «Как тебе это объяснить... Для меня скрипка Страдивари все равно что для тебя пистолет Дзержинского». Так вот, для меня как для юриста стать судьей Конституционного суда – как скрипка Страдивари для настоящего скрипача.

– Вы, наверное, не раз пересматривали свою «мятежную» жизнь: участвовал в демонстрациях, был отчислен из университета...

– Конечно, пересматривал, обдумывал, но ни о чем не жалею. У меня это началось в восьмом классе. Кто-то из моих товарищей сказал, что в киоске «Союзпечать» у станции метро «Кропоткинская» продается журнал со странным названием «Курьер ЮНЕСКО», в котором напечатано такое, чего нигде больше не увидишь. Я побежал после уроков, купил этот чудо-журнал. Кто такой курьер, я примерно знал, а что такое ЮНЕСКО – не имел представления. Весь номер этого журнала был посвящен Всеобщей Декларации прав человека. В советское время этот документ не приветствовался, не публиковался для широкой публики. Я прочел его залпом, и мои взгляды на жизнь стали иные. Я вспомнил про этот эпизод только в 1999 году, когда гендиректор ЮНЕСКО Федерико Майор вручал мне медаль ЮНЕСКО в честь 50-летия Всеобщей Декларации прав человека «за вклад в продвижение ценностей справедливости, равенства, свободы и солидарности». Так круг замкнулся.

А в моем кабинете, кстати, хранится копия того самого журнала (спасибо руководству РГБ) за декабрь 1963 года.

– Правда, что вас часто в юности доставляли в комнату милиции?

– Ну нет, всего один раз. Я был студентом второго курса юрфака. Тогда мы вышли, как бы сегодня сказали в полиции, на пикет к Мосгорсуду, где судили моих товарищей: Алика Гинзбурга, Юру Галанскова (с ним я был почти не знаком), Лешу

Добровольского и Веру Лашкову. Некоторых задержали, меня – нет. Старшина милиции, который, как мне показалось, командовал задержаниями, случайно оказался в одном вагоне метро со мной. Я сел рядом с ним, достал комментарии к Уголовному и Уголовно-процессуальному кодексу и стал ему зачитывать, каковы основания для задержания и что полагается за незаконное задержание. И когда на станции «Кропоткинская» я пошел к выходу, он схватил меня за руку и повел в комнату милиции. Убегать я не стал, потому что не чувствовал за собой никакой вины. Старшина в рапорте написал, что я угрожал ему расправой, а я в объяснении указал, что разъяснял ему положения УК и УПК РСФСР. Теперь каждый раз, когда оказываюсь на станции метро «Кропоткинская» и прохожу мимо этой двери, где находилась комната милиции, порываюсь зайти. Но то времени не хватает, то решимости.

– Вы сказали, что один из принципов – быть абсолютно уверенным, что не нарушаешь закон.

Неужели у вас никогда не было даже «административки»?

– За нарушение Правил дорожного движения были. Скорость превышаю иногда. Вообще люблю ездить за рулем. У меня белая «Ауди», ей немало лет, но она в отличном состоянии.

– Помните свою первую машину?

– «Запорожец», но не «горбатый», а «мельница». Мама называла его «ушастик» или «выхлопняк». Куплен он был в комиссионном магазине далеко не новым, жизнь сильно потрепала его, но я ничего этого тогда не видел. Поскольку он часто ломался, причем в самый неподходящий момент, у меня сложилось убеждение, что хороший автомобиль это тот, на котором ты можешь доехать до места назначения. Однажды мне нужно было утром жену в роддом везти, а у машины сгорел то ли генератор, то ли стартер. Достать новый (глагол «купить» тогда не имел того смысла, который для нас привычен сегодня) я не мог – это было выше возможностей преподавателя ВЮЗИ (Всесоюзный юридический заочный институт. – Авт.). А вот проволоку достал. И вот мы много часов с моей глубоко беременной женой

перематывали обмотку. Ранним утром залез под машину, поставил деталь на место, завел – все нормально. Был случай, когда во время езды оторвалась педаль газа, и я привязал веревку, чтобы доехать до ВЮЗИ, где институтские водители-профессионалы могли мне помочь. В другой раз отвалилась ручка переключения передач, и я воспользовался вместо нее большой отверткой. Короче, кое-какой талант автослесаря у меня, видимо, был. Жена даже как-то сказала в шутку: «Может, тебе надо было не на юриста учиться, а на автослесаря? И дело любимое, и заработки значительно выше!» А я ответил: «Да, но тогда я бы все свободное время отдавал изучению юриспруденции». Как-то мой «Запорожец» даже попытались угнать, но далеко не уехали: сгорело сцепление. В итоге они его бросили. Зато за счет страховки мне потом удалось его немного подремонтировать.

– Ваша первая журналистская работа была случайно не о машинах?

– Нет. Это была заметка о новой модели дефектоскопа, с помощью которого можно в стальных трубах находить дефекты. Мне казалось, что написал все хорошо и понятно. Помню, принес ее редактору отдела, он прочитал и говорит: «Теперь объясни мне простыми словами, а то я ничего не понял». Я подробно объяснил. Он выслушал и сказал: «Иди в типографию, и пусть тебе размножат, чтобы ты каждому читателю мог это рассказать». Я пошел переписывать заметку. С тех пор я часто переписывал, стараясь, чтобы моя мысль была понятна. Дошло до того, что заведующая машинописным бюро газеты однажды пришла к редактору и сказала: «Или я, или этот мальчишка. Я не могу больше так работать – он все время переписывает свои заметки, и почерк у него ужасный». Скоро бабушка разрешила мне пользоваться ее печатной машинкой, и я стал печатать свои заметки сам. Но, поскольку ее машинка была родом из девятнадцатого века, весила килограммов десять и занимала очень много места, я собрался с духом и вложил все свои сбережения в портативную немецкую машинку Erika. Ее уже можно было брать с собой в командировки. Так постепенно сформировалась маленькая домашняя коллекция

печатных машинок.

– Оглядываясь в журналистское прошлое: главная статья жизни была о чем?

– Это был инициативный авторский проект закона СССР «О печати и других средствах массовой информации». От него очень многое пошло: и союзный закон о печати 1990 года, и российский закон о СМИ 1991 года, и мое приобщение к государственной службе. Когда в 1992 году я стал ненадолго министром печати, у меня над столом висели наручники (кто-то подарил еще в 1991 году). Я объяснял их назначение: для нарушителей Закона «О СМИ» у меня есть все инструменты. В «МК», кстати, было опубликовано фото, где я с этими наручниками. Я в то время шутил, что наше министерство должно называться министерством печали. Положение российских СМИ было незавидным: они были свободны, но бедны как церковные мыши. Сейчас и свободы поубавилось, и денег не прибавилось. Зато появились новые технологические возможности: сегодня газета – это не только бумажная версия, но и интернетная, а значит, это и звук, и видео, и возможность мгновенного обновления.

– Правда, что висящий у вас в кабинете портрет Сахарова – единственный на всю Администрацию Президента?

– Я не знаю, чтобы кто-то еще повесил у себя портрет Андрея Дмитриевича. А у меня он висит с 1990 года, когда я попал на госслужбу и впервые в жизни обрел собственный кабинет. Почему Сахаров? Потому что он бесспорный символ правозащитного движения в нашей стране. Если бы я был американцем, наверное, у меня бы висел портрет Мартина Лютера Кинга. С Сахаровым я общался всего несколько раз, да и то это были не личные встречи, а общие разговоры на каких-то конференциях, собраниях. В основном они касались нашего проекта закона СССР о печати: Андрей Дмитриевич отзывался о нем очень высоко.

– В вашем кабинете висит и портрет мамы.

Вы в одном из интервью говорили, что перед уходом она

**надиктовала книгу воспоминаний
и что вы хотели издать ее. Получилось?**

– Не получилось. До ее ухода не успел, а теперь думаю, что, может быть, напишу собственные воспоминания и включу в них мамины мемуары. И тогда у нас будут общие воспоминания. Кстати, заголовок для будущей книги уже есть: «ВОЗ ПОНИМАНИЯ, ВОЗ ПОМИНАНИЯ». И есть даже первые рифмованные (не рискую называть их стихотворными) строчки:

Два воза я тащу с собой в восьмой десяток:
Воз понимания забит, но легковесен,
Воз поминания в три четверти небесен –
Тащу, стирая башмаки до пяток,

Но каждый воз мне чем-то интересен.
Мечтаю дотащить возы до точки,
Что в плане обозначена крестом,
Умыться кровью, потом, а потом

Оставить всё на усмотренье дочки,
И сына, и всех тех, кого послал роддом.

**– У вас в кабинете висит и огромный портрет Елизаветы
Глинки. Скучаете по ней?**

– Очень. Каждый раз, когда я о ней думаю, горло перехватывает. Она была близким, родным, очень важным в моей жизни человеком. Потому так важна сейчас для меня дружба с ее мужем Глебом. Мы с ним познакомились, когда Лизы не стало. Мы оба занимаемся тем, чтобы продолжалась ее миссия, работала созданная ею организация «Справедливая помощь», которая теперь называется «Справедливая помощь Доктора Лизы». Я включен в рабочий чат организации и благодаря этому постоянно нахожусь в курсе всего – как эвакуируют больных детей, как их лечат, у кого сегодня операция, кто в реанимации, кого выписывают, кто уезжает из Дома милосердия домой...

– А еще у вас портрет Алексеевой... Не хватает Людмилы

Михайловны?

– Не передать словами как. Самое важное для человека – чтобы было с кем посоветоваться. Не стало Людмилы Михайловны – и мне не с кем... Помните, у Давида Самойлова:

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нет у их. И все разрешено.

Мне не хватает ее настойчивости, ее упорства. Раньше, если мне не хватало собственного авторитета, я всегда мог сказать, что выполняю поручение Людмилы Михайловны. И двери открывались. А сейчас я так уже не могу. Не могу подкрепить свой авторитет ее авторитетом. А ведь еще остались невыполненными задачи, которые она мне поручила перед своим уходом. В первую очередь активизация института помилования. Людмила Михайловна большое внимание ему уделяла, и это правильно. «Блаженны милостивые, ибо помилованы будут».

**– Вы когда-то про себя сказали – «легко схожусь с людьми».
Это до сих пор так?**

– Конечно. Это передалось от мамы. Если она приезжала в дом отдыха, уже через два дня ее там знали и любили все. Звали: «Туся, иди к нам, расскажи еще какую-нибудь адвокатскую байку».

– Значит, у вас много новых друзей?

– Друзей много не бывает, это понятие для самого узкого круга. Но добрых товарищей, приятелей – да, много. С моей работой они появляются если не каждый день, то каждую неделю точно. А

вообще-то журналист (а я себя таковым до сих пор считаю) должен уметь найти общий язык с кем угодно – хоть с бездомным, хоть с губернатором, хоть с академиком.

– Бывало, что не находили?

– Да. С некоторыми осужденными, которые не один год и далеко не первый раз сидят, бывает трудно найти общий язык. Приходишь в камеру к такому человеку, а он смотрит на тебя как на некое театральное представление, которое ему принесли «на дом». И он начинает разговор, который для него является просто развлечением и формой изощренного издевательства.

– У вас на кухне до сих пор собираются интересные люди?

– Конечно. Раньше кухня была 4 квадратных метра, но всегда все умещались. Из нее вышли люди, которые в 90-е годы стали историческими деятелями современной России. В первую очередь это Михаил Краснов и Юрий Батулин, которые были помощниками первого Президента России Бориса Ельцина.

Сейчас кухня немногим больше, но она соединена с гостиной, и в общей сложности получается метров 30. Как и прежде, здесь собираются шумные компании, и не только по случаю дней рождения или Нового года. Мы, например, продолжаем традицию, когда мы собирались в квартире Людмилы Михайловны Алексеевой на Арбате на Старый Новый год и на 9 Мая. Теперь, когда ее не стало, мы собираемся у нас дома тем же составом. Так было и 9 мая 2019 года.

– За последнее время вам часто приходилось грустить или даже, может быть, ронять слезы?

– Вот как раз когда прощался с Людмилой Алексеевой и Лизой Глинкой. А так я стараюсь с улыбкой на все смотреть. Чувство юмора у меня всегда было. Не всегда, правда, мои шутки бывали удачными. Например, моя дочь Ксюша, когда ей было лет пять, спросила: «Папа, ты кого любишь больше – нас с Сашей или маму?» И я, не сильно подумав, сказал: «Ну конечно, маму! Мы с ней таких, как вы, еще десяток можем наделать». Мне казалось,

что эта шутка была вполне даже ничего. Много-много лет спустя дочка мне сказала: «Папа, ты не представляешь, тогда это была катастрофа, для меня рухнул мир».

– А на работе на ваши шутки обижаются?

– В работе бывает, что обижаются не только на шутки, но и на правду. Меня с детства учили говорить правду, и я по-другому не могу. Иногда это приводит к печальным последствиям.

– Например?

– Я вот думаю, как жаль, что не смог полететь в Сирию вместе с Лизой. Тогда бы наверняка дали другой самолет (из уважения к статусу) и все остались бы живы. А меня вычеркнули из списка.

– Кто?

– Оставим это за кадром. Мы с Лизой до этого в Сирию летали, отличный военный Ил-62, великолепный экипаж, все было хорошо. Удалось тогда многим помочь, многое увидеть. А в тот раз...

– Вот интересно: советник президента получает нагоняй?

Есть какие-то высокие чины, которые корят: «Вот вы неправильно сказали, не то и не там»?

– Такие вещи бывают, конечно. Но об этом не принято распространяться: сугубо внутренние дела. Вы же не будете рассказывать читателям о том, как выговаривает вам редактор за то, что вы часто бываете в СИЗО как член ОНК Москвы.

– Когда в последний раз были на обожаемых вами барахолках? И что купили?

– А, и вы знаете, что иногда с удовольствием трачу время и деньги на покупку ненужных вещей, обожаю рыться на барахолках. Но, увы, давно не был. Моя жена, например, собирает старинные ключи и замки – это свидетели веков. Вещи бесполезные, но я вспоминаю слова одного современного французского философа, который сказал, что «ЮНЕСКО бесполезно... как Моцарт». Вот так

же и старинные ключи.

Дома у меня есть маленький музей, в котором собраны дорогие для нас семейные реликвии: именной проездной билет 1912 года до станции Мытищи, визитные карточки дедушек, лорнет... Периодически меня «грабят» настоящие музеи, которым я отдаю экспонаты.

– Знаю, что у вас есть флаг, который висел над баррикадой у Белого дома во время его осады.

А что еще из раритетов?

– Есть предметы, которые хранятся не одно столетие в нашей семье. Ну, например, маленький бальный блокнотик конца XIX века. В него барышни записывали, кому они обещали какой танец.

– Раз уж вы про танцы, спрошу и про песни. Вы ведь у нас бард? Что сочинили последнее?

– Последнее я еще не написал. Сочиняю песенки и очень надеюсь, что осуществим нашу договоренность с Союзом журналистов и проведем в декабре вечер авторской песни «Поющие вместе». Будут петь те, кто всегда пел дома у Людмилы Михайловны.

– Как будете праздновать юбилей?

– Есть традиция: мы с моим другом Юрием Батуриным собираемся вчетвером (он с женой и я с женой) и куда-то едем. Так, мы ездили на вулканический остров Лансероте, когда отмечали 60-летие Юры (мы с ним одноклассники, кстати). А сейчас мы с супругой уже в Испании, ждем его с женой. Моя семья мне уже сделала подарок – гитару. Она акустическая, но при этом напичкана электроникой. Эта гитара позволяет делать вид, что я знаю не три аккорда, а как минимум четыре. Но пока я ее не освоил.

– А какой бы подарок на юбилей вы хотели получить от президента?

Вот если бы он, как Золотая рыбка, сказал, что исполнит любое ваше желание – что бы у него попросили?

– Хороший вопрос. Я бы попросил подписать указ, по которому была бы установлена самая строгая ответственность за игнорирование нашей Конституции. Я не об уголовной ответственности, а о чем-то гораздо большем. К сожалению, тот самый правовой нигилизм, о котором президент неоднократно говорил как о большой нашей проблеме, дополняется еще и правовым цинизмом. Один депутат Госдумы как-то сказал публично: «Мы можем принять любой закон». Это и есть правовой цинизм. И лучшим подарком для меня было бы обязать всех уважать Конституцию. Но именно всех!

MIRRU

*От имени Союза журналистов
Москвы
сердечно поздравляем Михаила
Александровича Федотова с*

юбилеем.

*Желаем крепкого здоровья и новых побед на поприще
защиты прав человека.*